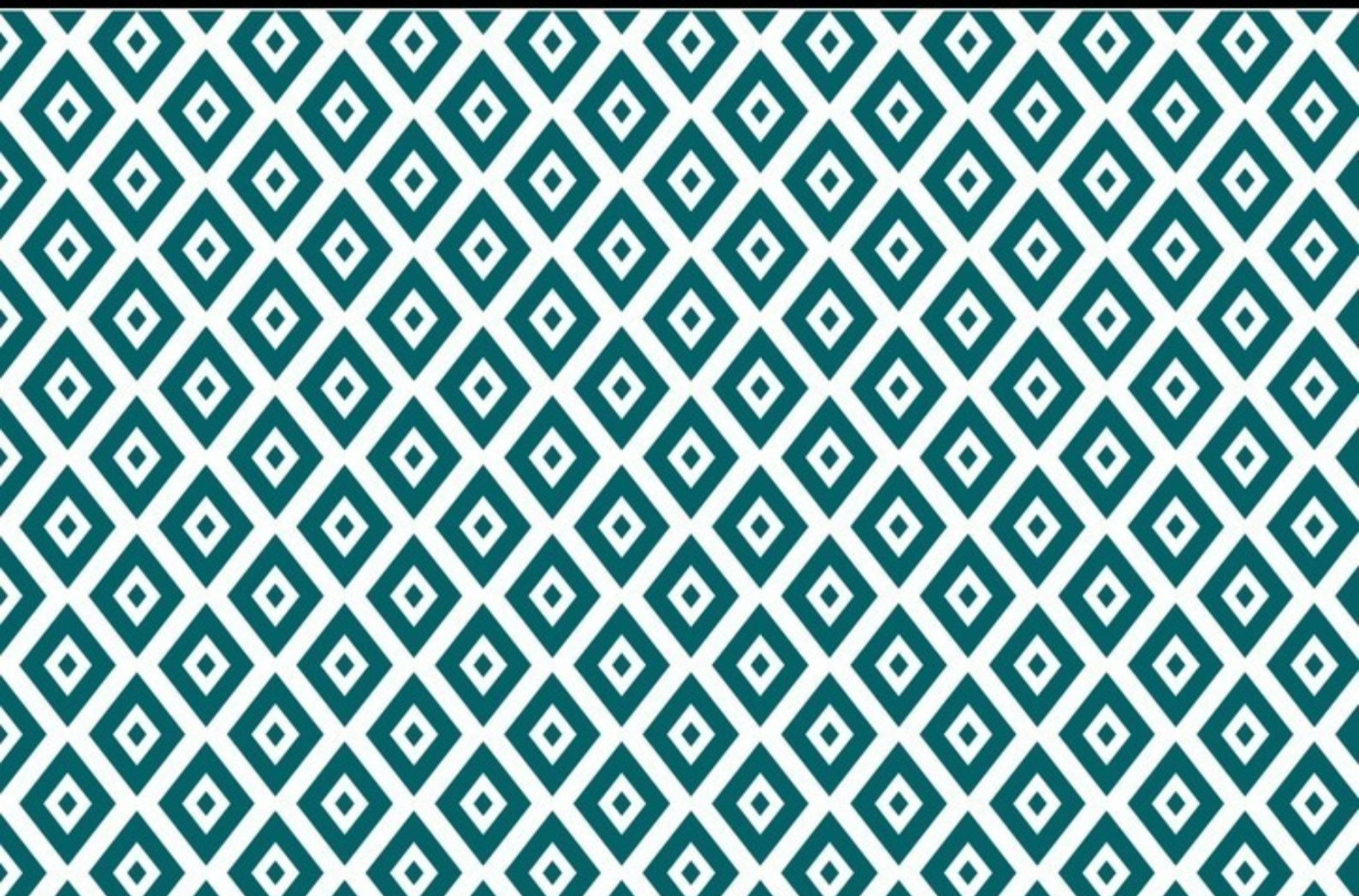

Муслим Мурдалов

*Провинциальный
библиографъ*

II том

Муслим Мурдалов

**Провинциальный
библиографъ. II том**

«Издательские решения»

Мурдалов М.

Провинциальный библиографъ. II том / М. Мурдалов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905701-3

В первом томе, в основном, идут биографические данные
Бахтина Н. Н. В этом томе будут представлены произведения, поэтические
переводы дореволюционного издания, которые ранее не публиковались.

ISBN 978-5-44-905701-3

© Мурдалов М.
© Издательские решения

Содержание

«Маленькая антология»	6
Несчастливая любовь	7
Песня	8
Танцы	9
Михаиль Томпа	10
Любовь и свобода милей мне всего	12
Жалоба	16
Весна	17
На острове Маргариты	19
Венгерская музыка	20
Иосиф Левый	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Провинциальный библиографъ II том

Муслим Мурдалов

© Муслим Мурдалов, 2018

ISBN 978-5-4490-5701-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Маленькая антология»

Это большая редакторская работа Бахтина, в которой большинство переводных стихотворений принадлежат ему, и так как это издание посвящено Бахтину, будут включены только переводы, сделанные Бахтиным. Здесь не будет включен один том под названием **«Китай и Япония в их поэзии»** 1896 г., так как стихи из этого тома уже напечатаны в современных изданиях, и их можно прочитать в интернете. Из-за огромного количества стихотворных материалов, пьес, статей, невозможно уместить в мое издание, фотографии и много других оригинальных и уникальных материалов, вы можете прочитать на моей интернет-странице в **ВКонтакте** (vk.com/id349886379).

«Мадьярские поэты». Тип. Я. И. Либермана. Фонтанка, 86. СПб. 1897.

Александр Кишфалуди.

Несчастливая любовь

(Изъ «Песень любви Гимфи»).

Какъ олень порой несется,
Острой раненой стрелой,
Словно веря, что спасется,
Кровь же леть съ него струей,

Такъ и я отъ взоровъ милой,
Въ сердце раненый, бегу,
Но нигде души унылой
Исцелить уже не могу:

Бегство рану растравляетъ,
Ядь все глубже проникаетъ,
Все сильней моя тоска, —
Нетъ спасенья, смерть близка.
Пр. Б.

Карль Кишфалуди.
Песня въ народномъ духе.
Ахъ, когда жъ я вновь увижу
Васъ, поля мои родныя?..
Где-бъ ни поель я, где-бъ ни сталь я,
Шлю лишь къ вамъ свои мечты я.

Птичка-ль съ родины промчится,
Ветерокъ ли пронесется,
Я встречаю ихъ вопросомъ,
Хорошо ли вамъ живется...

Но молчать они, не зная,
Сколько мукъ въ моемъ вопросе,
И стою я, одинокий,
Какъ былинка на утесе...

Далеко теперъ отбился
Я от хижины родимой,
Какъ листочекъ сиротливый,
Ветромъ осени гонимый...
Пр. Б. (По Кертбени и Гэку).

Михаиль Чоконай.

Песня

Въ летнюю полночь ему принесли
Съ красной печатью приказъ;
Янчи мой спалъ, и пришлось имъ будить
Янчи въ полуночный часъ.

Въ эту минуту со мною онъ былъ —
Снилось я ночью ему,
Снилось, как будто онъ нежно меня
Къ сердцу прижалъ своему.

Въ бой противъ турокъ сзывали войска
Трубы, протяжно трубя...
Янчи поспешно вскочилъ из коня...
Другъ мой! Увижу-ль тебя?

Вплоть до околицы шла я за нимъ,
Шла я и слезы лила;
Словно голубка печальная, я
Горемъ убита была.

Въ конскую гриву я ленту вплела,
Розъ принесла для коня
Сто поцелуевъ я другу дала,
Чтобъ не забыть онъ меня.

Сердце въ груди разрывалось моею,
Все потемнело вокругъ
Въ мигъ, когда Янчи, прощаясь, сказалъ:
«Бог да хранить тебя, другъ!»
Пр. Б. (По графу Майлатъ)

Даниил Берженьи

Танцы

Если желаешь ты видеть характер и нравы народа
въ яркихъ, наглядныхъ чертахъ, – танецъ народа узнай,
Вотъ вальсируетъ германецъ въ три счета, серьезно и важно;
крепко обнявши рукой, кружить онъ даму свою.
Къ верному сердцу одну только женщину онъ прижимаетъ;
тихо веселье его. Немецъ умеренъ во всемъ. —
Скачетъ, танцуя, французъ и съ улыбкою вправо и влево
руку свою подаетъ; часто меняетъ онъ дамъ.
Быстрый, живой и горячий, онъ въ радости – сущий ребенокъ:
ветренъ въ веселье своемъ, онъ ветрогонъ и въ любви. —
Съ Пиндаромъ можно сравнить вдохновеннаго пляской мадьяра;
страсть онъ влагаетъ въ нее, внутреннимъ пыломъ горя.
Вотъ онъ скользитъ еле слышно, томленьемъ любовнымъ охваченъ,
в пляске стараясь найти скорби забвенья своей.
Вотъ, загораюсь внезапно, онъ пляску победную началъ;
битвой съ врагомъ упоенъ, онъ позабылъ о любви.
Слышишь, какъ почва колеблется? Видишь какъ Кинижи пляшетъ,
Крови съ лица не стережъ, пляшетъ надъ трупомъ врага? —
Въ книгу нельзя занести этой пляски таинственныхъ правилъ;
ихъ и не нужно совсемъ: здесь вдохновенъ законъ.
Тотъ лишь, кто мускулы въ дело пускаетъ съ энергией мужа,
Сильный въ порыве своемъ можетъ плясать какъ мадьяръ.
Пр. Б. (По Гэку и Уйфальви).

Михаилъ Томпа

I.
Осенняя песня.
Где блескъ весны
и лета зной животворящий?
Ночной порой
ужь веетъ надъ землей
дыханьемъ осени мертвящей!
Светаеть день,
Но все поля въ слезахъ:
больна природа безнадежно,
и скорбь въ ея чертахъ.

Зачемъ же лесъ
въ румяномъ блеске весь сияеть,
когда вокругъ
поблекший, бледный лугъ
границу тленья означаетъ?
Но слышишь плачь?
То ветеръ зарыдалъ,
онъ для больной зловещий признакъ
въ румянце угадалъ.
Пр. Б. (По А. ф. д. Гайде).

II.
Осень.
Подходить осень... Блеск лучей
не оживить уже полей...
Лазурь небесная бледна...
Любимой скорби грудь полна.

Замолкли песни, темный боръ
роняетъ летний свой уборъ...
Я вспомнилъ въ мысляхъ о весне —
еще грустнее стало мне.

Давно-ль цвели поля и лугъ?
Давно-ль народъ шумель вокругъ?
И вотъ не стало ничего,
Какъ на кладбище все мертво.

Что въ мире осени грустней?
но сколько чаръ волшебныхъ въ ней!
Была бы осень мне мила,
Хотя-бъ и смерть мне принесла.

...Природа мертвенно бледна,

улыбкой кроткою она
встречает часъ последний свой,
и дивный смыслъ въ улыбке той!

О сладкий сонъ! Моихъ очей
коснулся ты рукой своей;
предъ опадающею листвою
я ницъ склоняюсь головою.

Беззвучно падаютъ листы.
Въ ихъ смерти столько красоты,
Что мукъ предсмертныхъ не видать...
Нельзя красивей умирать!
Н. Новичъ. (Съ мадьярскаго).

Александръ Петёфи.

Любовь и свобода милей мне всего

За нихъ не возьму ничего.
За любовь я отдамъ свою жизнь, свою кровь,
За свободу-жъ отдамъ и любовь.
Петёфи. (перевод М. Александровичъ).

III.
Кого несутъ? По комъ трезвонъ
Звучить въ последней тризне?
Но, кто-бъ онъ ни былъ, счастливъ онъ:
Избавился отъ жизни!
Отъ дома къ дому по пути
Несется вопль печали...
Меня бы лучше вамъ нести:
Вы-бъ слезъ не повстречали!
1843. Н. Новичъ.
(По М. Фаркашу).

XXII.
Конецъ сентября.
Цветы еще всюду пестреют в долинах,
И тополь пред домом украшен листвою,
Но вверх посмотри ты: на горных вершинах
Снега забелелись, – там веет зимой.
Меня еще греют лучи золотые,
Из пылкого сердца весна не ушла,
Но градом уж скошены кудри густыя,
Сребристые нити зима в них вплела.
Цветы отцветают, и жизнь догорает...
Прижмись, моя женка, ко мне поскорей!
Сегодня – мне к сердцу, а завтра – кто знает! —
Быть может, к могиле прильнешь ты моею!
О, если умру я, у праха родного
Ты ниц упадешь ли с рыданьем глухим?
Скажи мне, родная, решишься ли снова
Менять ты то имя, что стало твоим?..

Но если во вдовьем ходить покрывале
Ты будешь не долго, отдай его мне, —
Снеси на могилу, как символ печали, —
И, вставши из гроба в ночной тишине,
Я вытру им слезы, которые стану
Ронять, потрясенный изменой твоей,
И им обвяжу я глубокую рану
На сердце, какого нет в мире верней...
Н. Нович. (По М. де-Полиньяку и Нейгебауэру).

XXIII.

К Юлии.

Едва займетса день, как уж ложится тьма;
Едва пахнет весной, как уж грозит зима.
Едва лишь встретиться успели мы с тобой,
И вот уж так давно мы связаны судьбой.

С рук матери с отцом едва успев сойти,
К могиле праотцев стоим мы на пути,
И жизнь ушла... как тень, что тучка навела...
Как пар дыхания с поверхности стекла...
Н. Новиц. (По М. де-Полиньяку и Нейгебауэру).

XXXV.

Жена моя и мечь.

На крыше – сизый голубь,
Звезда – на небесах,
Тут, на моих руках.
Прильнув к моей руке,
Как поутру росинка
На гибком тростнике
Держать такую прелесть —
И вдруг не целовать?
Да разве поцелуи
Мне нужно занимать?
Не прочь и поболтать мы,
Да только, чуть начнем,
Как вновь на полуслове
Для ласки речь прервем
Завидно наше счастье
И радости полно,
Как жемчуг неподдельный
Сияет нам оно.
Но, вижу, меч мой старый,
Висящий на стене,
Глядит мрачнее тучи,
Поворотясь ко мне.
К чему, старик, сердиться?
Ревнивый ты какой!
Ну, что тебе за дело
До нас, приятель мой?
Ведь, если ты мужчина, —
Во избежанье зла,
Не должен бы мешаться
Ты в женские дела.
Откуда эта ревность?
Вот не из тучи гром!
С моей подругой юной
Ты хорошо знаком,

Ея ты знаешь душу,
И сам понять бы мог
Что сознает не часто
Такие души Бог!
Пусть скажут, что отчизне
Рука моя нужна —
Сама тебя наденет
На пояс мой жена
И, нас благословляя,
«Ступайте», скажет, «в путь,
И каждый неизменно
Друг другу верен будь!»
Пр. Б. (По Уйфальви и Кертбени).

XXVII.

Прощание.
Давно ли рассвело? И вот уж ночь;
Давно ли я успел сюда добраться?
И вот уже идти я должен прочь, —
Прощаться, не успевши повидаться.
Прощай, моя родная, Бог с тобой,
Моя любовь, кумир мой, ангел мой!

Не славы отправляюсь я искать:
Чело мне розы счастья венчают, —
На лавры я не стал бы их менять,
Они меня нисколько не прельщают.
Прощай, моя родная, Бог с тобой,
Моя любовь, кумир мой, ангел мой!

Когда б никто за край родной не встал,
То я б один отправился сражаться;
Когда ж весь край оружие поднял,
Могу ли я один сидеть остаться?
Прощай, моя родная, Бог с тобой,
Моя любовь, кумир мой, ангел мой!

Я не прибавлю: помни обо мне,
Ушедшем за очаг родной в сраженье.
И без того уверен я вполне,
Что обо мне твои все помышленья.
Прощай, моя родная, Бог с тобой,
Моя любовь, кумир мой, ангел мой!

Быть может, я калекою вернусь...
Но знаю, что ничто во всей вселенной
Не уменьшит любви твоей. Клянусь,
Что и мою ты встретишь неизменной.
Прощай, моя родная, Бог с тобой,

Моя любовь, кумир мой, ангел мой!
Пр. Б. (По А. ф. Шпонеру и Меласу).

XXVIII.

На постое.

Шум веселье, возгласы живые...

Что такое? Свадьбу, что ль, играют?

Нет, не той солдаты молодые

Свой постой в гостинице справляют.

«Эй, хозяйка! Что вы так стоите?

Поднесите живо угощенье!

Только знайте: денег подождите:

Заплачу, вернувшись из сраженья.

Этот цветик – дочка вам, хозяйка?

Подойди-ка, сядь рядком со мною!

Ну-ка, щечку-розу подставляй-ка!

Возвращусь – возьму тебя женою».

Пьют вино, целуясь то и дело;

Позабыты нужды и невзгоды,

Словно вся опасность отлетела,

Словно ждут их долгой жизни годы...

«Вот так пир! И мертвого разбудит!»

Завтра пир другого сорта будет...

«Подставляй мне губки – зацелую!»

Нынче – их, а завтра – смерть лихую...

Пр. Б. (По Уйфальви и Меласу).

Баронъ Иосифъ Этвёшь

Жалоба

Зеленый листь на ветке
Грустиль, вздыхаль;
Вечерний теплый ветеръ
Вокруг порхаль.
И шепчетъ листь: «Какъ скучно
Мне тутъ висеть!
Хотель бы въ миръ широкий
Я улететь!»
Но дальше ветеръ мчится,
И за собой
Влечетъ съ соседней ветки
Листокъ сухой.
«Зачемъ съ родимой веткой
Я разлучень!»
Такъ этотъ листь вздыхаетъ,
И плачетъ онъ...
Кто изъ гнезда родного
Умчался въ светъ,
Тому-увь! – ни мира,
Ни счастья нетъ.
Пр. Б. (По Г. Ф. Мельцлю).

Коломанъ Лисняи.

Весна

Несется ветеръ съ розы
Румянымъ лепесткомъ, —
Съ написаннымъ весною
Шифрованнымъ письмомъ.

Лучъ солнца заостренный
Перо ей заменилъ,
Немножко крови алой
Онъ даль ей для чернилъ.

Письмо росы жемчужной
Печатью скреплено,
И ароматомъ чувства
Пропитано оно.

Торопитъ легкий ветеръ
Проказница-весна, —
Въ любви своей признанье
Въ немъ миру шлетъ она.
Пр. Б. (По Кертбени).

Людвигъ Бартокъ.

* * *

Съ тобою я, чуть глянетъ
Вечерняя звезда;
Когда жъ ея не станеть,
Я прочь спешу всегда.

Скромна и молчалива,
Она не выдастъ насъ,
А солнце – то болтливо:
Все выложить какъ разъ!
Пр. Б. (По Полиньяку и Гэку).

Коломанъ Тотъ.

* * *

На крыльяхъ бури осень къ намъ спешить,
И аистъ къ югу теплому летить.
Ахъ, я бь умчался съ нимъ за море,
Когда бь могъ тутъ оставить горе!

Летает паутина надъ землей;
Закрето небо мрачной пеленой;
Изъ тучъ на пашню слезы льются...
Былому счастью не вернуться!

Ты хочешь знать, дитя, чемъ боленъ я,
Откуда грусть великая моя?
Ея бы не было въ помине,
Будь ты чутка къ ея причине!
Пр. Б. (По В. Лео и Г. Клейну).

Павель Дьюлаи.

На острове Маргариты

Вечернею зарей освещено,
Стучится деревцо в мое окно
И шепчет мне, шумя своей листвою:
Поправился ли бедный мой больной?
О да, гораздо лучше стало мне,
И грежу я, в какомъ-то полусне.
Весь миръ теперь исполненъ красоты:
Фонтана блескъ, лазурь небесъ, цветы
И лесъ тенистый, – словомъ, свой приютъ
Сама Калипсо выбрала и тутъ!
Я видеть не могу, но, все равно,
Ведь жизнь ко мне врывается в окно,
Я слышу оживленный звукъ речей
Толпящихся на улице людей:
Любезности, веселый звонкий смехъ, —
Веселья чуждъ лишь я одинъ изъ всехъ.
Приму ли я счастье в немъ не встать...
Но вотъ, подъ звуки песни соловья,
О миломъ прошломъ снова вспомнилъ я!
Картины изъ давно прожитыхъ летъ
Мне словно изъ тумана шлютъ приветъ,
И, какъ цветовъ увядшихъ аромать,
Слова любви забытыя звучать...
Я слышу крикъ играющихъ детей..
О дети, дети! Матери своей
Не помните вы ласки и заботъ,
Вамъ дела нетъ до жизненныхъ невзгодъ,
Безпечныя!... Вечерний светъ погасъ,
Ложится тьма, слеза туманить глазъ,
Но листьевъ нежный лепетъ, шумъ волны,
Пыхтенье парохода, звукъ струны,
Затронутой небрежною рукой,
И пение далекое порой
Смягчаютъ боль моихъ печальныхъ грезъ,
Какъ песня няни – горечь детскихъ слезъ.
Пр. Б. (По Нейгебауэру)

Карль Сасъ.

Венгерская музыка

Слушай скрипки нашей звуки!
Сколько слезъ въ нихъ, сколько муки!
Четырьмя ея струнами
Власть добыта надъ сердцами!
Вотъ – съ весною неразлучный
Соловиный рокоть звучный;
Вотъ – сиротки плачь унылый
Надъ родительской могилой!
Слушай, слушай! смолкли стоны,
Раздались иные тоны:
Въ нихъ звучить, къ войскамъ взывая
Песнь Ракоци боевая.
Тутъ и судъ съ прощеньемъ вместе,
И борьба на поле чести,
И обетъ вернуть свободу
Вновь мадыарскому народу!
Слушай, слушай! Въ скрипке живы
Все народные мотивы!
Смехъ, и радости, и горе
Въ нихъ смешались въ вечномъ споре.
Предъ тобой, какъ на ладони,
Чикошь, степь, степные кони,
И подъ праздникъ въ чарде пляски,
И красотки смуглой ласки.
Вотъ идутъ на трудъ тяжелый
Жницы съ песнею веселой;
Песнь звучить то замирая,
То какъ будто вновь всплывая.
Вотъ подходитъ парень скромный
Къ окнамъ девы вероломной,
И, во мгле, его свирели
Слышны жалобныя трели.
Вотъ о горе трехъ столетий
Говорять намъ звуки эти,
Въ сердце болью отдаются,
Сами струны чуть не рвутся...
Слушай скрипки нашей звуки!
Сколько счастья въ нихъ и муки!
Четырьмя ея струнами
Власть упрочена надъ нами!
Пр. Б. (По Гэку и Кертбени).

Иосиф Левый

I.

Свадьба.

Отуманен взор невесты,
От веселья он далек;
Ах, сполели цветы печали
Вкруг чела ее венки!

Щечки, яркие как розы,
Стали лилии бледней,
И таит большое горе
Глубина ее очей.

Как ручей хрустальный, сердце
Было зеркалом небес,
А теперь в нем буря чувства,
И покой его исчез.

С женихом сидит невеста,
Как картинка хороша,
Но Бог знает как далеко
Унеслась ее душа!

Мчится прочь она по ветру
Быстрокрылою мечтой
И летит, летит, покуда
Не очутится со мной.

И, уста мои целуя
И припав ко мне на грудь.
Говорит: «С тобой бы жизнь мне
И с тобой навек уснуть!...»

Отуманив взор невесты,
От веселья он далек;
Их, спасли цветы печали
Вкруг чела ее венки!
Пр. Б. (По Гэку).

II.

Непомнящий родства.
Танцы, музыка, похмелье...
Что за жизнь, что за веселье!
Редко грош со мной случится,
Но фамилией гордиться
Я имею все права;
Я – Непомнящий родства!

Тут иль там я завтра буду.
Солнце встречу и повсюду.
Нам – покуда не узнали,
Гость – покуда не прогнали...
Без случайностей мертва
Жизнь Непомнящих родства
Без любви я жить не в силах
И имею много милых:
Чья изба ни подвернется,
Всюду милыя найдется!
Не угонится молва
За Непомнящим родства.

Нет удобнее постели,
Чем моя; и в самом деле:
Под собой ее имею,
Укрывалось – тоже ею!
Силу по нарски... Такова
Жизнь Непомнящих родства.

Танцы, музыка, похмелье...
Что за жизнь, что за веселье!
Звоном шпор я упиваюсь,
Кто толкнет – не обижаюсь:
Все на свете трын-трава
Для Непомнящих родства!
Н. Новичъ. (По Э. Линднеру).

II.

Поцелуй.

Три вещи только въ свете любилъ Юсуфъ-поэтъ:
Диванъ свой, песенъ звуки, да девушекъ приветъ.
Была бы дева юной, да мягокъ былъ диванъ,
А ветхость и невзрачность въ диване не изьянъ.
Пусть жизнь и въ деве пылкой, и въ песне бьетъ ключемъ, —
Луна, туманъ и вздохи тутъ ровно не при чемъ.
Таковъ былъ взглядъ Юсуфа. – Разъ гость къ нему вошелъ
И – молодой и скромный – такую речъ повелъ:
«Али-Юсуфъ! Учитель! Я песню написалъ;
Мне нуженъ судъ правдивый я не ищу похвалъ.
Вложилъ я въ эту песню все то чемъ грудь полна;
Лишь ты решить сумеешь, удачна ли она».
Но тутъ прервалъ учитель, не слушая конца:
«Довольно! – Предисловий не нужно для певца;
Читай!» – И гость чуть слышно начало произнесъ,
Но голось постепенно, по мере чтенья, росъ:
«О поцелуй! Ты – лотось, ты – песня соловья!
Поведай мне, въ чемъ тайна великая твоя?»

Листъ лотоса, качаясь, звучить, какъ лепеть струй,
Но все-таки милее для слуха поцелуй
Седьмое небо рая въ полночной тишине
Въ заветномъ поцелуе даруетъ дева мне.
Предметъ всегдашней жажды, ты булишь пыль въ крови,
Ты – смерть и упоенье, о поцелуй любви!...»
Чу! шумъ раздался – кто тамъ? – Дать знакъ рукой Юсуфъ,
Но юноша мгновенно умолкъ, на дверь взглянувъ.
Тихонько занавеска отдернулась – и вдругъ
Скользнула въ дверь Зулейка, Юсуфа нежный другъ,
И, какъ на жертву джинны бросаются въ кустахъ,
Внезапно у Юсуфа повисла на устахъ,
Прильнувъ къ нимъ съ поцелуемъ горячимъ и немымъ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.